

Сверхграждане

Дмитрий Клопов

Дмитрий Клопов

Сверхграждане

«Автор»

2026

Клопов Д.

Сверхграждане / Д. Клопов — «Автор», 2026

СССР, 2030 год. Треть всех граждан Союза уже почти сорок лет рождаются с суперсилами. Два лучших друга, Матвей и Кондратий, учатся на втором курсе Московского государственного университета технологий и управления сверхспособностями. Мотя – сын сильнейшего суперзлодея СССР. Однако сам Матвей, вместо молний, едва ли способен выдавить из себя неуверенные искры. Коня – гениальный инженер, но родился совсем без суперсил. Он изобретает часы перемещения во времени и обманом заставляет Мотю стать батареей для своего сложного прибора. На самом деле, парень без способностей все это время лишь использовал наивного неудачника Мотю, чтобы вернуться в прошлое и обрести силы. Оказавшись в 1991 году, пока Коня занят своим планом, Матвей знакомится с девушкой из прошлого, и именно Мила открывает ему глаза на действия бывшего друга. Вдвоем они раскрывают планы Кондрата и перемещаются обратно в 2030 без него. Теперь злой и гениальный изобретатель изменит прошлое всего Союза до неузнаваемости.

© Клопов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	25
Глава 9	26
Глава 10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Клопов

Сверхграждане

Предисловие

Внимание! Перед вами художественное произведение в жанре фэнтези, написанное для развлечения автора и читателей. Действие происходит в альтернативном Советском Союзе! Несмотря на некоторые совпадения имен, названий, статусов и прочего, это произведение ни в коем случае не может считаться достоверной исторической хроникой.

Все персонажи, имена и события являются плодом воображения автора, а любые совпадения – лишь случайность.

Глава 1

– Огнебород одним взмахом своей взрывоопасной бороды отправляет дюжину грабителей прямиком на койки ожогового отделения! – гроыхает, усиленный во сто крат, голос. – Как нам с вами повезло, что сегодня в патруле на северо-западе Москвы оказался именно он. Хотя приспешники Удильщика, скорее всего, с нами не согласятся.

В подтверждение его слов щуплый и бледный мужчина с десятками катушек и ремней на плотном кожаном комбинезоне вскидывает острый подбородок и грозит кулаком небу над столицей. Удильщик метит в камеру, установленную на одноместном квадрокоптере, парящем над ветхими стальными сооружениями корабельных доков. Этот массивный летательный аппарат в форме облака особенный. В его узнаваемом пугающем теле сидит один из самых известных дикторов нашего времени – Геннадий Гром.

– Что угодно бы отдал, чтобы оказаться на т-т-твоем месте, – бормочу я с благоговением, глядя на стримера.

Я перевожу камеру телефона на Удильщика. Пусть эта фраза останется на записи – может, кто-нибудь решит, что это я о суперзлодее. Может, даже отец на секунду порадует? Может, полвека назад существовали другие авторитеты, но в наше время тот, кого я зову папой, считается лидером советского сопротивления. Правда, злые языки в нашем две тысячи тридцатом зовут его Пожирателем Душ.

Удильщик растопыривает пальцы и в несколько широких взмахов отправляет гибкие шнуры и ремни в Огнебород. Массивный, словно железнодорожный локомотив, мужчина пытается укрыть свое оружие, но плотные жгуты прижимают толстые косы его бороды к телу.

Каждому давно известно, что, чтобы создавать свои огненные стрелы, рыжебородому сверхгражданину непременно требуется взмахнуть ими. Мой лучший друг Кондратий как-то пытался объяснить мне этот процесс – вроде это как со вспышками на солнце, только те возникают в густой растительности на его лице.

– Вы-ы-ы только посмотрите на это! Огнебород угодил прямиком в коварные сети Удильщика. Видите, видите? Один из жгутов, словно удавка, обвивается вокруг шеи нашего героя, – Гром включает нагнетающую музыку, как он делает это всегда, для усиления драматического эффекта. – Неужели это коне-е-ец? Неужели именно сего-о-одня мы с вами станем свидетелями того, как погибает один из наших защитников?

В то время, как усиленный способностью голос комментатора гремит над доками, рыжебородый гигант из последних сил пытается сбросить удавку с шеи. Но все тщетно: до крови расцарапав собственную шею, Огнебороду так и не удается просунуть под жгут даже кончики пальцев. Он рухнул на колени и безуспешно хватается воздух посиневшими губами. А уцелевшие прихвостни Удильщика, напротив, поднимаются на ноги и обступают Огнебороду.

Внутри меня все сжимается, но я остаюсь на месте. Гена Гром, естественно, тоже – он настоящий профессионал! Потому что если я действительно хочу работать комментатором, то должен вести себя как они: мы должны лишь наблюдать и достойно освещать происходящее. Все ради того, чтобы рейтинги сверхграждан оставались максимально объективными и их статистика не пострадала от некомпетентности стримера.

– Сердце сжимается от этой ужасающей картины! Неужели не осталось сверхграждан, которые приходят на помощь в нужный момент? – продолжает Гром.

Я не выдерживаю и выбегаю из-за своего укрытия. Молнии уже сверкают на кончиках моих пальцев, а где-то в глубине нарастает мощь разряда. Я вытягиваю руку так, чтобы ее было видно в кадре. Молнии в кулаке уже гудят от нетерпения и готовы сорваться в любой момент.

Сегодня начинается мой путь к славе!

Нога предательски подворачивается на скользких досках, и я теряю равновесие. Телефон выпрыгивает из руки, я инстинктивно пытаюсь его подхватить, кулак с зарядом дергается, и молния уходит куда-то в сторону доков. Деревянный помост встречает меня жестким ударом в лицо и перетряхивает все мысли в голове.

– Да! Да! Враг отброшен ударом невероя-я-я-ятной мощности! Кто же из сверхграждан способен на такое? Конечно же, э-э-э-то... – Гром выдерживает драматическую паузу.

Черт! Я попал – да, черт возьми! Гром сейчас назовет имя нового спасителя. Меня – он назовет мое имя! Где мой телефон? Ни за что не прощу себе, если не сниму это. Вот же он! Я хватаю телефон и вскакиваю на ноги.

– Ста-а-альная Княжна-а-а-а! – раскатисто взревел Гром.

Телефон едва снова не выпадает из рук. Враги оказались отброшены, а тугой узел на удавке Удильщика отсечен стальными серпами Княжны. Сам сверхзлодей, похоже, успел увернуться и сейчас стоит в стороне, ошестинившись новыми ремнями и жгутами.

Княжна выглядит настолько прекрасной, насколько и внушительной. Свободный сарафан мог бы скрыть ее выдающиеся формы, если бы все ее тело от талии до шеи не покрывал, словно вторая кожа, эффектный стальной нагрудник. Ее голову уже украшает новый серебряный полумесяц кокошника, сотканный из застывшей челки. Княжна – глава гильдии Цирюльников, а все их способности сокрыты в волосах.

Стальная Княжна срывает с головы новый головной убор и принимает боевую стойку, зажав его в руке на манер серпа. Ее золотистые локоны рассыпаются по плечам так, словно в ее роду были эльфы из заморских сказок. Лишь ее челка устремляется вверх, чтобы замереть новым стальным кокошником.

– О-о-о, да-а-а! Вы только взгляните, как она ужасающе прекрасна и бесконечно могущественна в своем желании спасать и защищать. Огнебород уже приходит в себя, и теперь вдвоем они легко одолеют Удильщика, – продолжает Гром.

Стример явно слишком торопится с такими выводами. Рыжеволосый мужчина все еще старается восстановить дыхание и едва ли являет собой достойного напарника. Однако Удильщик, похоже, пошел на поводу у комментатора и нерешительно отступает.

– Куда собрался? Даже не надейся сбежать, – высокий голос Княжны звенит сталью. – Неподходящий день ты выбрал для грабежа. Доки под защитой нашей гильдии!

– Убейте... Убейте ее! – приказывает Удильщик и бросается наутек.

Петлитель – двухметровый парень с руками настолько длинными и тонкими, как и гибкая лента, которой он управляет. Без Текстильщика он почти бесполезен, но именно он сейчас оказывается рядом. В паре они представляют ощутимую опасность.

Широкое грубое полотно размером с чехол для автомобиля появляется в воздухе из ничего, и Петлитель принимается водить перед ним руками. От этой простыни отделяются две длинные ленты, которые устремляются в спину Стальной Княжны. Я должен предупредить! Может, Гром подскажет? Ну хоть кто-нибудь.

Огненный шар взрывается в воздухе, разметав ленты на обугленные ошметки. Новый взмах бороды Огнеборода врежется в остатки полотна Текстильщика, и обоих злодеев обдаст пламенем. Взрывная волна прибывает их к земле, и они больше не спешат подняться.

– Огнебород присоединяется к мощному выпад лидеру своей гильдии! Безусловно, этот дуэт поистине непобедим! – комментирует этот выпад Гена Гром.

– Остальное на тебе, брат, – говорит Огнебород и устремляется в погоню за другими сверхзлодеями.

Из темноты доков взметнулись плотные черные канаты и мигом оплели тела поверженных врагов. Это похоже на нападение дюжины змей, управляемых опытным дрессировщиком.

– Нет, нет, нет! – кричат сверхзлодеи и беспомощно цепляются за землю.

Канаты-змеи вновь оживают и неумолимо затягивают Петлителя и Текстильщика в чернильную темноту доков. В проеме виден внушительный голый торс, но детали одежды и внешности сверхгражданина скрывает густая тень.

Удильщик к этому моменту уже преодолел значительное расстояние. Увидев, что его подельников схватили, сверхзлодей чертыхается и решает бежать. Его жгуты кружат по спирали, словно реактивные самолеты, выполняющие сложный воздушный маневр. На бешеной скорости они врезаются в погрузочный кран, оплетают его и тянут Удильщика за собой, подобно лопнувшей пружине. Суперзлодей машет на прощание и, сверкнув ядовитой ухмылкой, ретируется.

– Враг бежит! Кажется, сегодня зло останется безнака... – начинает Гром, но закончить не успевает.

– Не! В мою! Смену! – чеканит Княжна и сопровождает каждое слово броском нового серпа.

Первый стальной кокошник срезает толстый канат из жгутов, а два других припиливают Удильщика к опоре погрузочного крана, словно диковинное насекомое. Ни одна из ран не выглядит смертельной, и сверхзлодей пытается вырвать из тела стальные серпы. Но с тем же успехом он мог бы попытаться вырвать из земли весь погрузочный кран.

Я смещаю телефон и помещаю Стальную Княжну в крупный кадр. Спина девушки вновь приобретает благородную осанку, словно в ее крови действительно есть что-то от властителей прошлого. Пока пришедший в себя Огнебород добывает остатки прихвостней Удильщика, Княжна поправляет свои золотистые кудри, а новый кокошник на ее голове вымахал в настоящую серебристую корону.

– Вы-ы-ы это видели-и-и-и? Такая эффектная победа принесет немало очков гильдии Цирюльников. Но что это? – Гром спускается ниже и высовывается из своего винтокрылого облака, чтобы указать на бедро девушки. – Кажется, несколько очков придется снять за успешную атаку Удильщика.

Стальная Княжна отставляет бедро в сторону, и дыра в сарафане обнажает небольшой ожог на белоснежной коже девушки. Глава гильдии поцокала языком и скривилась скорее от обиды, чем от боли.

– Да это не он! Это какой-то идиот в меня молнией запустил, – отвечает Княжна и оглядывается по сторонам. – Кстати, где он? Эй, выходи, неудачник!

Ой! Кажется, это она про меня. Думаю, пора сворачиваться – что-то я засиделся. Петля между контейнерами, словно портовая крыса, я быстро покидаю место и завершаю собственную трансляцию. Гена Гром сотрясает округу проклятиями в адрес неизвестного помощника сверхзлодея, но я стараюсь не принимать их близко к сердцу.

Я вообще-то хотел как лучше!

Глава 2

– Сколько раз тебе повторять? Никакого телефона за столом! – голос отца звучит суровее обычного.

– Но, пап, мне нужно ролик загрузить. Подписчики ждут это видео! – протягиваю я.

– Какие у тебя подписчики? Никто не смотрит ролики про неудачников, – ядовито усмехается Пожиратель душ.

Никакого желания спорить. Он никогда не станет считать работу стримера достойной его сына.

– Ладно, как скажешь, – недовольно ворчу я и встаю из-за стола.

Тарелка с еще дымящейся безвкусной кашей остается перед опустевшим стулом. Раз он не хочет видеть телефон за столом, то я просто выйду из-за него. Не назло, нет. Просто он даже не хочет понять, как это важно для меня.

Не в силах устоять на месте, я принимаюсь мерить гостиную шагами. Какой же медленный интернет в родительской квартире! Ненавижу приходить сюда – особенно когда мамы не стало. Но это именно она начала традицию обязательных семейных завтраков по пятницам. Я делаю это в ее честь... да и отец злится больше обычного, если я не прихожу.

– Ты что, издеваешься? Сядь на место! Живо! – приказывает Пожиратель душ.

Из его рук и позвоночника вырывается не меньше десятка плотных плазменных жгутов. Каждый из них отправляется выполнять отдельное поручение. Именно так отец больше всего любит самоутверждаться за мой счет.

Обе тяжеленные стальные тарелки плавно переносятся в мойку, и каша, к которой я едва притронулся, перемалывается измельчителем. В подхваченной коробке, как и в посуде, есть специальные углубления, и еще один плазменный жгут бросает ее к моим ногам. В ней лежат все грамоты и кубки, которые отец заработал за последние два десятка лет. Тоже мне, ударник социалистического труда! Ты же гребанный революционер, не забыл?

Я бросаю телефон на диван – теперь видео точно загрузится. Если бы не тонны этих железных домашних декораций, уверен, интернет был бы куда шустрее. Плюхаюсь на стул и складываю локти перед собой.

– И чего ты ждешь? Налей нам чаю! – отец кивком указывает на громоздкого монстра на плите.

Сказать легче, чем сделать. Я вытягиваю руку, и на ладони неуверенно проступают искры. Они с треском сталкиваются и выстраиваются друг за другом в изогнутую молнию. Короткая дуга не попадает в нужный паз на стальном корпусе, и чайник заваливается на бок.

Словно в замедленной съемке, эта громадина падает на пол, и кипяток медленно вытекает на кафельные плиты. Уверен, что отец легко мог его подхватить, но просто не стал. Молния рассыпается, и сколько я ни пытаюсь, мне не удается выдавить из себя даже искры.

– Ты же мог его поймать?! – обиженно протягиваю я.

– А ты мог родиться нормальным! Но не всем нашим мечтам суждено сбыться. Убери, бестолочь, – отвечает отец.

Я вскипаю ничуть не хуже его любимого уродливого чайника. Он и с мамой так же обращался за то, что она была огненного типа, но всего третьего уровня. Но, скорее, за то, что не смогла родить ему сына со смешанными сверхгенами?

– Да пошел ты! Задолбал уже со своими поучительными жизненными уроками! Отстань от меня уже! – Я вскакиваю со стула и подхватываю телефон с дивана. – Все, с меня хватит, я ушел!

– А ну-ка стоять, щенок! – Пожиратель душ говорит негромко, но в его голосе звенит сталь. – Я велел тебе вернуться и убрать за собой. Имей в себе силы отвечать за свои поступки, раз другими не вышел.

– Как же т-т-ты... Как т-т-ты... Ненавижу т-т-тебя! – кричу я и выбегаю из ненавистой квартиры.

В тяжелую дверь за моей спиной врезаются отцовские плазменные щупальца, но им меня не догнать. Глаза режет от подступивших слез, однако я бегу только быстрее. Улицу вокруг меня сменяет тенистый парк, и я позволяю себе остановиться.

С размаху плюхаюсь на лавочку и достаю телефон. Отлично, мое видео загрузилось! Семнадцать просмотров – да вы что, издеваетесь? Да я же там чуть Стальную княжну не подстрелил! Эм... Не специально, конечно, но это заслуживает хотя бы тысячи!

Как же тяжело пробиваться в профессии, когда рядом столько именитых стримеров! Точно, а сколько просмотров у Гены Грома?

– Четыреста тысяч! За два часа? Вы точно издеваетесь, – сокрушаюсь я и проходящая женщина отшатывается от неожиданности. – Прост-т-тите.

Я поспешно покидаю Таганский парк и только сейчас вспоминаю о времени. Не успею вовремя, даже если у меня прямо сейчас вырастут крылья.

Глава 3

Бегу со всех ног, но понимаю, что все равно безнадежно опаздываю. Вокруг меня уже проносятся высокие окна Московского государственного университета технологий и управления сверхспособностями. Перед дверями лекционного зала я скольжу подошвами по древнему паркету и одергиваю форменный студенческий пиджак.

– Фу-у-у-х, – шумно выдыхаю я и стараюсь восстановить дыхание.

Я приоткрываю дверь ровно настолько, чтобы едва-едва просочиться, и проскальзываю внутрь.

Лекционный зал заливают яркий солнечный свет, и есть небольшая надежда, что преподаватель ослеплен им не меньше, чем мой лучший друг, который сейчас стоит за кафедрой. Я обещал Кондрату, что успею к началу, но обстоятельства оказались сильнее меня. Сам Геннадий Гром комментировал тот бой! А я все-таки являюсь вторым в списке его донаторов... если бы не этот богатенький мозгоклюй с золотой ложкой своего папаша в задни...

– Матвей Драгомирович! Соизволили почтить нас своим присутствием? – голос преподавателя заставляет меня замереть.

Лекционный зал взрывается хохотом. Некоторые студенты встают со своих мест, чтобы получше рассмотреть меня. Мои щеки полыхнули огнем, и я знаю, что за этим последует. Именно поэтому я так плохо контролирую свою сверхспособность – крошечные разряды молнии прошивают все мое тело.

– П-п-профессор К-к-каменев? – заикание в такие моменты никогда не добавляло мне популярности.

– Не утруждай себя, Мотя, – от этого его обращения среди студентов вновь раздаются смешки и презрительный шепот. – Сядьте! Прошу прощения, Кондратий. Пожалуйста, продолжай.

Мой друг кивает профессору и поправляет громоздкие очки.

– Да, Виктор Петрович. Как я и говорил, в начале девяностых процент сверхграждан еще не превышал трех от общего числа населения. Как сейчас нам доподлинно известно, первые сверхграждане появились во втором полугодии тысяча девятьсот девяностого года. Перестройка грозила развалить Советский Союз на части, и правительство страны было готово обратиться к таким программам, к которым ранее никто и не подумал бы обратиться. Чтобы вернуть интерес и доверие граждан к продовольственным талонам, их начинают выдавать любой семье в комплекте с биологически активными добавками. К сожалению, информация о составе и пропорциях до наших дней не сохранилась и сейчас также засекречена. Они имели ошеломительный успех! У большинства принимавших их граждан наблюдался обычный подъем эмоционального и физического состояния, но все в пределах человеческих возможностей. Однако примерно у трети из них сразу появились способности, суть которых стала основой нашего текущего мира. Самый важный побочный эффект был обнаружен спустя девять месяцев действия программы: дети, рожденные после употребления БАДов, рождались со сверхспособностями. Силы, или, как их в то время называли, чудеса, ценили и достойно оплачивали – единицы таких граждан в одиночку обеспечивали нужды целого города. Всего за год их жизнь кардинально изменилась. И в то время им не приходилось беспокоиться о персональных рейтингах. Некоторые и без этого имели собственную паству, словно боги во плоти. Именно в этот момент на мировую арену выходит она, Елена Золотарева, – Кондрат указывает пальцем на солидных размеров экран.

Он жмет на пульт, и изображение гена сверхгражданина сменяет фотография статной светловолосой женщины, хмуро взирающей на аудиторию.

– Золотарева стала родоначальником движения против дискриминации сверхграждан. Результатом их многолетнего существования стал законопроект по борьбе со Сверххрабством. Уверен, что правозащитники под предводительством Елены Золотаревой так пытались отстаивать права суперов, но вышло наоборот, – мой друг делает небольшую паузу и поправляет очки.

После услышанного аудитория загудела, переговариваясь сотней невнятных шепотков.

– Спокойствие, спокойствие! ТИ-ШИ-НА! Данное высказывание прозвучало исключительно как предположение и не нарушает Пакт «О цензуре и морали», – преподаватель призывает учащихся к порядку. – Я ведь верно вас понял, Кондратий?

– Исключительно как предположение! Прошу прощения, профессор. Я лучше продолжу свой доклад, – говорит Кондрат и, получив утвердительный кивок от преподавателя, продолжает. – На этот момент уже треть населения СССР были со сверхспособностями. После выхода Закона миллионы сверхграждан оказались безработными. Их стали опасаться брать на официальную работу. Начинаются забастовки и стачки сверхграждан, многие переходят к активным действиям и громят заводы, на которых их рабочие места отдали людям без способностей. В итоге часть суперов перешла на сторону криминала, но подавляющее большинство сформировали общины, чтобы выживать вместе. Фактически они стали ничем не отличимы от нелегалов, проживающих по всему миру и не чурящихся самого грязного заработка: наркотики, трансплантация органов, торговля оружием...

– Кхе-кхе, – нарочито громко кашляет преподаватель.

– Простите, профессор. Я помню – Пакт «О цензуре и морали». Так вот, талонная программа, о которой я упоминал ранее, просуществовала два года. Ни одного побочного эффекта, только чистая польза, превосходящая возможности сертифицированных лекарств. Утверждение истинно лишь наполовину. Это правда, как правда и то, что только тридцать процентов следующего поколения таких детей родились с суперспособностями, – на этих словах Коня запинается, и мне хорошо известна причина.

Лекционный зал вновь взрывается хохотом. Однако этот смех предназначен не мне.

– А твоя мамаша их почему не принимала, Нинишник? Кондрашка вот и очки нацепил, и всю историю вызубрил, а все равно навсегда останется придурком без способностей, – выкрикивает крупный парень с задней парты и для эффектности запускает в сторону моего друга плотно скрученную сосульку.

Ледяной снаряд врезается в кафедру и разлетается на сотни крошечных безобидных осколков. Мне даже не нужно оборачиваться на этого идиота. Филипп Пестов – капитан команды института по борьбе. Стайка его поклонниц уже подхватила выходку дружным щебетанием.

– Нинишник! Нинишник! – зашептали злые голоса обидное прозвище для людей без суперспособностей.

– Пестов! Давно родителей в институт не приводил? Так я тебе это легко устрою, – обещает преподаватель.

– Да пожалуйста, профессор! Он как раз на днях приедет званый ужин для вашего педсовета устраивать – там и пообщаетесь, – отмахивается Филипп.

Новая порция смешков оказывается короткой. Лицо Каменева побагровело, а многие на своей шкуре знали, что ничем хорошим это не кончится. На лекционный зал опускается тишина. Виктор Петрович оглядывает ряды студентов и, не обнаружив подходящей жертвы, одергивает твидовый пиджак.

– Продолжайте, Кондратий. Думаю, у нас осталось еще несколько минут до конца урока, – говорит профессор.

Мой лучший друг сухо кивает и продолжает.

– Так о чем это я? Эм-м... Точную статистику употребления БАДов никто не вел, но достоверно известно, что в обозначенный период незначительная часть граждан отказалась принимать такие добавки. Их потомкам так и не доведется узнать, вошли бы они в ту треть успешного употребления, как и то, что такое иметь уникальные особенности. Связь между БАДами и увеличением числа сверхграждан выявили не сразу, поэтому очень скоро процент людей с суперспособностями вырос с трех до тридцати двух. Можно ли восстановить эту несправедливость повторным употреблением таких добавок – нет, к сожалению, момент упущен! – думаю, мало кто это заметил, но я вижу, что в этом месте Коня не решился сказать что-то важное. – Человеческий ген мутировал и получил иммунитет к «дедовскому» способу обретения способностей. В наше время никакой препарат уже не сделает супера из...

– Нинишника! – заканчивает за него Пестов.

Профессор хочет что-то сказать, но его прерывает громкий звонок. Студенты встают со своих мест, и лекционный зал загудел. Виктор Петрович тяжело вздыхает, благодарит Кондрата за лекцию и отпускает нас отдыхать.

Пестов проходит мимо меня и взмахивает длинной челкой, отбрасывая ее со своих острых скул. Поклонницы семят за ним следом, словно соревнуясь за право оказаться ближе к смазливому красавчику.

Сейчас я тебе устрою!

Однако, как всегда, со мной бывает: на меня наваливаются одновременно волнение и зависть к успеху богатенького придурка, и вместо ослепительной молнии в его затылок летит сноп искр. Электрические разряды негромко трещат и рассыпаются, так и не достигнув цели.

Последними лекционный зал покидают ботаник-нинишник и сын сверхзлодея, не контролирующий свои способности.

Глава 4

Четверть часа спустя, в нашей комнате студенческого общежития.

– Я все видел! На этот раз у тебя почти получилось, – подбадривает меня Кондрат.

Я с размаху плюхаюсь на кровать и сжимаю свой стальной эспандер. Складной шар, состоящий из маленьких металлических звеньев, в моих руках оживает и покрывается голубыми искрами. Помогает учиться контролировать способность. По крайней мере, реклама обещала, что он должен в этом помогать.

Сжать, дать разряд, разжать.

– А ты точно видел то же самое, что и половина нашего курса. Если бы не мой отец, они и надо мной поржали бы. Я ведь и сам без пяти минут нинишник, – грустно пожимаю плечами я.

– Мне бы твои проблемы! Ты, Мотя, окончательно зажрался. Твой отец – Пожиратель душ! Только скажи, и он тебя во главе целого отряда поставит, – говорит Кондрат и указывает на меня пальцем.

Сжать, дать разряд, разжать.

– Ты о чем вообще? В революционеры податься? К суперзлодеям? Большинство из них – это изгои и неудачники. Те, чьи способности или не тянут на геройские, или те, кто не хочет оставаться в роли вечного помощника героя. В редких случаях их силы кажутся откровенно опасными и разрушительными – таких общество тоже не принимает. Еще реже, как мой отец, злодеями становятся по личным причинам. Мой батя – сильнейший электрик. Уровень его способности намного превышает оценочный двенадцатый уровень – настолько, что его оружием стали не молнии и разряды, а мощнейшая плазма, которой он филигранно управляет. С его силой может посоперничать разве что Метеор – первый в рейтинге сверхграждан. Ты ведь сам мне говорил, что его способности впитали в себя силу огненного отца и каменной матери, помнишь? – уточняю я.

Коня кивает и пожимает плечами. Мой друг – ходячая энциклопедия по сверхгражданам. Я продолжаю упражняться с эспандером, но этот разговор изрядно нарушает мою концентрацию. Сжать, дать разряд... ну же! Дать разряд. Разря-ад. Есть! Теперь снова разжать.

– Действительно, подобные селекционные браки были весьма популярны поколение назад. Думаю, что именно поэтому Пожиратель душ взял в жены твою маму – пусть и пятиуровневую, но все же чистую огненную сверхгражданку. Но генетика – сложная наука. Это же не математика. Тут не всегда из суммы двух и трех получается пять, – подытоживает мой лучший друг.

– Ага. В этот раз получился я – самый заурядный электрик. Без грамма огненной примеси и не способный нормально использовать отцовские силы. Такими темпами, после института меня ждет какой-нибудь крошечный темный кабинет на заводской подстанции, где меня запрут как живую батарейку, – невесело заканчиваю я.

Сжать и больше ничего. Искры трещат вокруг эспандера, но по металлическим секциям бежать не спешат. Я отбрасываю бесполезное устройство в угол и сажусь на самый край кровати.

– Да я бы все отдал, чтобы иметь хоть какую-нибудь способность. Вообще любую. Даже самую убогую, – сокрушается Кондрат.

– Побойся своих желаний, Коня. Сегодня как раз наблюдал за такой же ситуацией. Цирюльники максимально далеки от десятки сильнейших в рейтинге гильдий. Именно поэтому их отправляют бороться с Удильщиком, который, если бы не подался в злодеи, едва ли на помощника потянул. Но даже если им удастся приподнять свой авторитет, то в их рядах тоже есть те «волосатики», которых на обложку советских афиш не поместишь. Например, у Огнеборода есть родной брат Арарат – он им всегда помогает, но в объективы камер не лезет.

Все потому, что он – полноватый армянин, который управляет только волосами на своей спине. Длинные курчавые жгуты из области лопаток – это совсем не то, что хотят видеть порядочные граждане в вечернем эфире. Я много знаю о таких деталях. Хороший стример с места событий должен разбираться в таких вещах, – я вскакиваю на ноги и торжественно вскидываю руки к потолку.

Заряд уверенности передается в кончики моих пальцев, и кисти покрываются подобием искрящихся перчаток. Коня тяжело и завистливо вздыхает.

– Лучше бы тебя отец к себе взял, – мечтательно повторяет он и встает в центре комнаты рядом со мной. – Ты бы освоился там. Может, станешь важной частью революционного движения за справедливые права суперов. Особенно сейчас, когда Советский Союз на пороге новой реформы «Об обязательном контроле реестра сверхграждан». После такой массовой слежки Пакт «О цензуре и морали» покажется нам не страшнее книги рецептов моей бабушки.

– Ха-ха! Ты хочешь, чтобы я в политические распри полез? Совсем с ума сошел? Да и как они за нами следить собираются? В Союзе нет технологий, для того чтобы этот законопроект реализовали даже в ближайшую сотню лет. А про дело моего отца... Повторюсь, большинство сверхзлодеев – слабаки и неудачники. Их сил явно недостаточно для победы над героями Советского Союза. Им светит успех, только если кто-то из таких ученых, как ты, не придумает способ выключать способности по своему желанию. Профессор Каменев, к слову, в тебе души не чает – все равно оставит тебя работать на кафедре. Как раз что-нибудь придумаешь! – говорю я.

– А я как раз и придумал. Смотри! – отвечает Кондрат.

Коня достает странного вида прибор с массивными бабушкиными часами в середине и сложными механизмами по краям. Громоздкое и неказистое устройство кажется мертвым: стрелки не двигаются, а узкие черные экраны не горят.

– Я изобрел прибор управления временем! Но мне нужна твоя помощь, – внезапно очень серьезно смотрит на меня Коня.

Глава 5

– Что ты изобрел? Машину времени? – переспрашиваю я.

– Вот я так и знал, что ты так скажешь! Ты что, видишь здесь «машину»? – возмущается мой лучший и единственный друг.

Коня закатывает глаза так глубоко, словно пытается рассмотреть свои мозги внутри черепа. Я беру в руки свой эспандер и показываю его другу.

– Машина или не машина, а пока твой прибор мертвее, чем вот это бесполезное дерьмо из маркетплейса, – с нажимом уточняю я.

Эспандер впитывает в себя все молнии с «перчатки» и впервые послушно распрямляется – именно так, как было заявлено в рекламе.

– Вот видишь! А теперь сделай точно так же, но положив руки вот на эти рычаги, – просиял Коня.

Я качаю головой и осторожно кладу тугой металлический шар на тумбочку. Хочется запомнить это чувство, но Кондрат машет рукой перед моим лицом и с надеждой смотрит на меня. Я тяжело вздыхаю и беру его прибор в руки.

Неожиданно легкое приспособление оборудовано двумя скобами, которые удобно изогнуты для захвата. Стрелки на бабушкиных часах, прямиком из советского прошлого, замерли под острым углом и напоминают длинные усы.

– Выглядит не очень надежным. Оно хоть работает? – спрашиваю я.

– Конечно! Я прикурил его от дедушкиного «Москвича» последней модели... Эм. В общем, сжег ему всю проводку... да и всю машину вместе с ней. Но у меня получилось вернуться на день назад, где она все еще была цела. Правда, чтобы не нарушать правила путешествия во времени, мне пришлось повторить эксперимент на машине соседа. В итоге я вернулся назад, а сосед получил ценный урок: если будешь издеваться над нищелюдьми, то тебя постигнет карма. Он это заслужил! Ты же сам знаешь? – пожимает плечами Кондрат.

Я отбрасываю от себя прибор, и тот обиженно звякает о ножку кровати.

– Ты что творишь?! – кричит Кондратий.

– Что творю?! Совсем с ума сошел? Ты рассказываешь, что этой штуковиной сжег две машины, а потом спокойно даешь ее мне в руки. Ты нормальный вообще? – возмущаюсь я.

– Да не случится с тобой ничего! Не должно. Я доработал прибор, и теперь он стабилен. Поэтому мне и нужны были тесты. Я бы ни за что не подверг тебя опасности, поверь, – уверяет меня Коня.

– Нет, нет и еще раз нет! – отвечаю я и направляюсь прочь из комнаты.

Я уже берусь за дверную ручку, но Коня догоняет меня. Теперь мой лучший друг смотрит на меня с мольбой.

– Стой! Тогда давай так: сначала мы слетаем в мое прошлое и исправим там одно недоразумение, а потом отправимся в каждый из дней, в которых ты облажался прилюдно? В каждый! Столько раз, сколько захочешь. Далеко не у каждого есть шанс исправить свою репутацию. Но благодаря моему прибору – это сможешь сделать ты! Ну что, так согласен? – спрашивает Кондрат.

Тяжелый вздох. Еще один тяжелый вздох. Черт! Я запираю дверь на замок и оборачиваюсь на друга.

– Ну и куда хочешь полететь ты? – уточняю я.

Лицо Кони просияло, и он радостно заплясал по комнате. Выглядит это весьма комично, учитывая, что нескладный ботаник никогда не был звездой танцплощадок.

– Значит, смотри! Нам нужно вернуться в июль тысяча девятьсот девяносто первого года. Примерно через полгода после утверждения Закона о дискриминации. Дата неточная, но это

не важно. Главное, в это время активно и успешно употребляли те самые БАДы. И, что важнее всего, – в это время их еще почти год препараты можно было просто купить в аптеке. Без талонов и всякой бюрократической волокиты! – торжественно заканчивает он, словно это должно было все объяснить.

Если честно, то половину из того, что он сказал, я благополучно пропускаю мимо ушей. Однако перспектива наладить жизнь, реабилитироваться в глазах отца и одноклассников кажется слишком соблазнительной. Руки сами собой заискрились молниями.

– Так чего же мы ждем? Давай свою «немашину времени» – я ее сейчас как твой дедовский «Москвич» спалю! – выпалил я.

– Вот это настрой! погоди, я уже почти все настроил, – пальцы ботаника защелкали переключателями, и прибор мерно загудел. – Готово!

Он протягивает мне громоздкие часы, и я берусь за рукоятки. Коня забирается на широкий табурет и приглашает меня последовать его примеру.

– Это еще зачем? – недоумеваю я.

– Прибор буквально перемещает пространство вокруг себя, заменяя аналогичный невидимый шар радиусом около трех метров, но уже в точке времени, указанном на панели управления. Как в поездах говорят: «Во время поездки не высовывайте руки и ноги из вагона». Отрежет и не заметит – во время испытаний возле машин кратеры остались, так что сосед, наверное, на какую-нибудь ракету грешит, – усмехается Кондрат.

А мне что-то совсем не весело. Но раз уж решился. Я забираюсь на табурет и концентрируюсь на мечтах о своем исправленном будущем. Молнии уже превратились в полноценные рукава и наползают на спину, словно сияющий доспех.

– Ай! Током бьется. Должно хватить – не теряй настрой и жхни уже посильнее! – кричит Коня.

Смотреть на неказистый прибор страшновато – уверенности эта штукавина все равно не внушает. Я зажмуриваюсь и выпускаю разряд в ладони.

– А-а-а-а! – кричу я и дрожу всем телом.

Мой рев подхватывает завывание прибора и детский, почти девчачий, писк Кони. Я ожидал полет по воздушной трубе, яркий свет или хоть что-то необъяснимое. Однако прибор в моих руках уже затихает. Кондрат позади меня ерзает, пол под нами приходит в движение, и мы кубарем валимся на пол.

– Нет! – кричу я и уже жду, что нас сейчас разрежет на куски.

Я открываю глаза и смотрю на свои руки. Ладони, как и рукоятки, прибор испачканы в копоты, но вроде ничего не сгорело. Под циферблатом моргает зеленая лампочка, подсвечивая кривую надпись «Успех».

– Буахгырхар! – Коня корчится рядом со мной и извергает содержимое желудка на лакированный паркет.

Наш дешевый линолеум пропал, как и кровати со шкафами. Их заменяют какие-то тумбы, бюсты вождя коммунизма и пыльные вымпелы с лозунгами. Такое до нашего двести тридцатого не дожило – все-таки в прогрессивной коммунистической стране живем! А вот табурет переместился с нами. Ножки стула срезало до половины, и именно поэтому устоять на нем нам вряд ли удастся.

– Получилось, – говорю я и первым поднимаюсь на ноги. – У нас получилось! Коня, ты слышишь? Твой прибор работает. Вот черт! Я такую молнию мощную выдал – никогда такая не получалась. Жалко, что папа не видел.

– Еще... кхе-кхе. Еще увидит, – обещает мне друг и тоже поднимается на ноги.

Я оборачиваюсь и восторженно смотрю на потрепанного ботаника. Его словно соседский бульдог пожевал и выплюнул. Интересно, а почему со мной не так?

– Ты в норме? И что нам теперь делать? – спрашиваю я.

– Нам, ничего! – отвечает он и лезет в свой рюкзак. – Дальше я сам. Переоденься и постарайся привлекать как можно меньше внимания.

Коня протягивает мне старомодные холщовые брюки и простую голубую рубашку. Затем, словно только сейчас вспомнив о чем-то важном, ботаник протягивает мне тонкую пачку денег.

– Откуда это у тебя? Ты что, музей ограбил? – спрашиваю я, глядя на бумажные купюры с профилем Ленина на одной из сторон.

– Почти – от тетки осталось. Можешь погулять по округе, съешь что-нибудь. С местными не болтай и ночевать возвращайся в эту комнату. В это время здесь, по всей вероятности, клубная комната оборудована. Если что-то случится, то жди меня за общагой – я сам тебя найду, – говорит Коня и первым переодевается в приготовленную одежду.

– Погоди! А ты-то сам чем будешь здесь заниматься? Может, тебе все-таки помощь нужна? – отвечаю я.

– Нет! – отрезает мой друг. – Ты уже мне очень помог. Дальше я один. Мы переместились в очень беспокойное время, поэтому важно действовать с максимальной осторожностью. Сколько это точно займет, я и сам не знаю. Может, пару дней, но я постараюсь побыстрее.

Все равно ничего не понятно. Мне становится страшно, что сейчас придется остаться одному. Молнии вокруг пальцев вновь очень неуверенно потрескивают, напоминая, что вообще-то я неудачник в мире сверхграждан.

Нужно взбодриться! Кондрат уже открывает дверь и направляется наружу. Я останавливаю его, выдавив из себя нечто невнятное.

– Что еще? – недовольно спрашивает мой лучший друг.

– У нас все получится. Мы с тобой больше не неудачники. Мы переместились на тридцать пять лет назад! Мотя и Коня – первые путешественники во времени! – торжественно объявляю я.

Кондрат наконец улыбается и снова дружелюбно смотрит на меня – впервые после перемещения.

– Круто звучит! Ну все, мне пора. Веди себя хорошо и будь осторожен, – просит Коня и захлопывает дверь.

Глава 6

Я бреду по непривычно пустынным коридорам своего «будущего» общежития и, как ни странно, вспоминаю папу. Отец канифолил мне мозги не только своими рассказами про высшее предназначение и превосходство суперов над простыми гражданами. Самые ранние воспоминания моего детства наполнены добрыми и теплыми историями об этом непростом времени. По крайней мере, я их помню именно такими.

Ох, если бы в институте почаще спрашивали об истории СССР времен его юности – я бы был круглым отличником! Однако даже на вступительных экзаменах мне достался билет с вопросами о причинах экономического роста Советского Союза в начале нулевых и его влиянии на законотворчество сверхграждан начала второго тысячелетия. Муть в овраге!

К слову, вот эти словечки и выражения в меня переключались вместе с воспоминаниями отца. Я даже не до конца понимаю, как именно что-то можно канифолировать – особенно, зачем так поступать с мозгами!

Дверь отчаянно скрипит, солнце слепит глаза, но я все равно улыбаюсь, покидая стены опустевшего общежития. Середина июля – время каникул.

Так или иначе, сейчас этот дом стоит пустым. Матрасы и типовая мебель ждут возвращения жильцов, но, на наше счастье, не сегодня. Надеюсь, что Коня быстро справится со своими делами, и мы не успеем ни во что вляпаться.

Пять часов спустя.

– Коня, гад! Куда ты пропал вообще? – спрашиваю я, глядя в бесполезный экран телефона.

Вышки моего сотового оператора в начале девяностых не завезли даже в Москву, поэтому связи с другом у меня нет никакой. Сумерки над столицей сгущаются, и ночь скрывает часть окрестностей. Все-таки это не две тысячи двадцать шестой – в наше время в Москве почти не осталось плохо освещенных переулков.

Я полдня ищу знакомые заведения, но так ничего и не нахожу. Странно, отец вроде про них рассказывал. Желудок предательски урчит и заглушает внутренний голос, который уговаривает не уходить далеко от общежития.

– А и черт с тобой. Я целый день ждал, и ты подождешь если что, не переломишься! – бурчу я себе под нос и направляюсь в еще одно место, которое нахваливал батя.

Блинная на Таганке в девяностые работает круглосуточно. Именно за это едва совершеннолетний Драгомир любил засиживаться здесь на всю ночь. Он, как и другие молодые студенты, ценил это кафе за то, что здесь разрешалось устраивать ночные посиделки со своими напитками. А еще будущий Пожиратель душ непременно упоминал, что в блинную часто навещаются знаменитости – не могу не воспользоваться этой невероятной возможностью!

Только-только с трудом открываю тяжеленную входную дверь, как меня едва не сбивает с ног плотный аромат жареных блинов. Возле окна в облезлой рамке висит меню.

Цены какие-то совсем микроскопические – с тем количеством сотен и полтинников с Лениным, что дал мне Коня, я могу выкупить все это заведение. На стойке висится пузатый самовар, рядом баранки и целая кастрюля каких-то алюминиевых приборов. Знаменитостей нигде не видно – даже как-то грустно.

Зато в кафе оказывается довольно много милиционеров и таксистов. Даже не знаю, кого больше! В углу сидит стайка студентов, которые затравленно поглядывают на мужчин в погонах. Наверное, пришлось спрятать под столом бутылки с пивом.

Я улыбаюсь этой мысли и смотрю за стойку. За ней стоит миловидная брюнетка с острыми скулами и немного уставшими глазами. На ее лице ни грамма макияжа, и от этого ее брови, напоминающие крылья хищной птицы, выглядят такими эффектными. В мое время, за такими

ходят в дорогие салоны, а в девяностые эта хрупкая девушка прячет свой образ за передником и фирменной шапочкой кафе на Таганской.

Кажется, девушка воспринимает мою улыбку на свой счет и поднимает узкую ладошку, подзывая покупателя.

– Добрый вечер, чего желаете? – вежливо спрашивает она.

– Э-эм, – запинаясь я и оглядываю зал в надежде на ответ. – Точно! Если можно, то мне то, что пьют вон те ребята.

Я указываю на группу студентов, но девушка лишь сдавленно смеется.

– Эти, с позволения сказать, «ребята» пьют то, что принесли с собой. Но сейчас, скорее, просто ждут, когда милиционеры допьют свой компот и вернуться в отдел за углом, – отвечает девушка, и в ее глазах заплескались искры.

Мое лицо заливают краска, и от смущения по рукам тоже пробегает ток. Кажется, это не укрывается от взгляда продавщицы. Я никогда не был силен в покупательском флирте. А если честно – в любом виде общения с девушками.

– Тогда дайте мне, пожалуйста, тоже компот и пару блинов с мясом. Очень уж есть хочется, – вымученно улыбаюсь я.

Зачем я это сказал? Еще подумает, что я оборванец-попрошайка какой-нибудь. Чтобы девушка не подумала ничего такого, я вываливаю на стол ворох мятых купюр из кармана.

– Ст-т-только хватит? – заикаясь, спрашиваю я.

Обе ладони на мгновение полыхают голубыми искрами, и я спешу спрятать их за спиной. Девушка хмурит свои птичьи брови, но увиденное комментировать не спешит. Смерив меня тяжелым взглядом, она деловито выуживает из бумажной кучки один из полтинников и насыпает рядом с ними гору мелочи.

– Лучше убери их поскорее и иди вон за тот стол. Я позову, когда еда будет готова, – говорит девушка и передает заказ на кухню.

Я делаю, как она сказала, и поскорее прячусь за столиком в дальнем углу зала. Милиционеры коротко оглядывают меня, но, похоже, решают, что я все-таки веду себя недостаточно странно, чтобы прерывать вечерний перекус.

– Спасибо, Милочка! Все было как всегда вкусно, – прощаются мужчины в форме и выходят из кафе.

Девушка машет им на прощанье и скрывается на кухне. Наверное, пошла за моим заказом? Словно по команде студенты выходят из-за своего столика и направляются ко мне.

– Добрейший вечерочек, богатенький мальчик! Ты сыночек какого-то дипломата? – усмеивается самый рослый из подростков.

Долговязый парень явно считает редкие волосы под носом эффектными усами и очень ими гордится. Он пытается накрутить их двумя пальцами, словно Боярский в фильме про мушкетеров, но куцая поросль для этого категорически не подходит.

– Привет-т-т, – заикаюсь я в ответ. – Нет, что вы, ребята. У меня самые обычные родители, и я – самый-самый обычный.

Четверо парней обступают меня с двух сторон и опираются на стол. Я вижу, как парочка таксистов, болтавших у двери, спешат покинуть заведение. Что-то в их лицах мне говорит, что они не милиционеров на помощь пошли звать.

До меня сразу доходит: они тоже видели, как я вывалил деньги на прилавок. Наверное, с такой суммой сейчас только какой-нибудь директор овощебазы в день зарплаты ходит. За стойкой, как назло, тоже никого – я остаюсь совершенно один, наедине с четырьмя хулиганами. От страха и неуверенности на пальцах сейчас нет и намека на утреннюю молнию.

Глава 7

– О-о-о, это очень хорошо! Видишь ли, мы все тоже обычные. На, глотни! – усатый хулиган протягивает мне бутылку с темной мутной жидкостью.

Я не спешу отвечать на его жест. Нужно вспомнить то самое чувство – покалывание на кончиках пальцев. Уверен, что получится – теперь я знаю, что умею делать все как следует. С видом опытного шахматиста, продвигающего фигуры по доске, усач бьет доньшком бутылки по столу и скользит им прямо ко мне.

– Эй, ты чего? Не уважаешь меня? – наигранно спрашивает долговязый парень.

– Нет-нет-т-т-т! – я поднимаю руки в примирительном жесте и делаю крошечный глоток из бутылки. – Вот, видишь – уже выпил!

Все четверо расплываются в кривых ухмылках. Это не к добру.

– Вот это по-нашему! Меня, кстати, Серегой зовут. А тебя? – уточняет усач.

– Мат-т-твей, – отвечаю я.

Все инстинкты буквально кричат, что меня загоняют в какую-то ловушку. Нужно успокоиться. Я опускаю одну руку под стол и встряхиваю ладонь – словно надеюсь, что внутренняя тревога сама утечет сквозь кончики пальцев. Мне бы подышать спокойно, но эти мордовороты обступают меня еще плотнее.

– Мотя! Хорошее имя для простого советского гражданина. Мы такие же! А ты знаешь, что простые люди должны друг с другом делиться? Я вот с тобой бухлом поделился, – Серега указывает на бутылку и упирается в столешницу кулаками.

Костяшки на них покрыты ссадинами, отчего кажется, что он сбил их о чье-то лицо не далее чем час назад. Ну же, ну же – сосредоточься! По кончикам моих пальцев наконец первые голубые искры.

– Ребят, мне не нужны проблемы. Я лучше пойду, – прошу я и пытаюсь встать.

– А ну-ка сел обратно! – словно бешеная собака, рывкает и брызжет слюной хулиган и указывает на меня пальцем. – Мне это надоело! Держите его, парни, а бабки я у него сам достану!

Двое хулиганов хватают меня за руки и практически вбивают в хлипкий стул. Серега протягивает руки и хлопает меня по нагрудным карманам рубашки. Оставшийся не удел низкорослый студент-хулиган тоже очень хочет принять участие в потасовке и разбивает свою бутылку о край стола. Брызги стекла и алкоголя разлетаются на всех нас. В его руке остается горлышко от бутылки, ошестинившееся острыми краями.

– Ты что творишь, крысеныш мелкий? Как знал, что не надо тебя с собой брать! В следующий раз дома останешься – и я не посмотрю, что ты мой троюродный брат, – возмущается Сергей и вновь оборачивается на меня.

Пора!

Мои руки оплетают сверкающие перчатки, и я растопырываю пальцы. Гром, серия вспышек и разряды молний разбрасывают мальчишек в разные стороны. Мебель с грохотом приземляется на ошеломленных парней – двое корчатся от боли на полу, а у Сереги кровь на затылке. Только младший братишка хулигана так и остался стоять с «розочкой» в руках.

– А-а-а-а! – по-звериному ревет усач с пола. – Бей его, чего застыл?!

Стеклянное острие дрожит в руках низкорослого парня, но он все же шагает ко мне.

– Эй, не надо! Слышишь, тебе это не надо! – я поднимаю руки в примирительном жесте.

В его глазах слезы, но он щурится, набираясь решимости. За его плечом маячит один из деревянных стульев. Как это он так? Я выглядываю из-за плеча младшего братишки – стул буквально парит в воздухе! А за ним у прилавка стоит та самая девушка. Ее птичьи брови хищно сошлись на переносице, губы сжимаются в нитку, рука вытянута в направлении стула.

– Какого черта? – спрашиваю я, и в этот момент братишка наносит удар.

– А-а-а-и-и-и! – крик девушки срывается до визга.

Стул врезается в хулигана и отбрасывает его к стене. Осколок скользит по моей щеке и уносится вслед за троюродным братишкой. Новая порция стеклянной крошки взрывается брызгами, которые, впрочем, урона никому не причиняют.

– Бежим, – сквозь зубы шипит девушка и первой бросается к двери.

Я перепрыгиваю через тела поверженных хулиганов и устремляюсь следом. Куда она подевалась? На улице совсем никого. А вот отдел милиции теперь виден отлично.

– Бах! – дверь с грохотом захлопывается за моей спиной.

– Эй ты, быстрее давай! – раздается шепот из-за угла.

Тонкая девичья рука коротко машет мне и тут же пропадает. Я бегу со всех ног, заворачиваю за угол, девушки не видно и здесь. Двигаюсь вдоль стены – уже практически обежал все здание. Из зарослей живой изгороди напротив снова появляется бледная ладошка и практически втягивает меня под тень деревьев.

– Не узнаю этого леса? – пытаюсь я сменить тему.

– Парк Прямикова. Так, стой, не заговаривай мне зубы! – шипит на меня девушка.

– А-а-а, теперь понял, – отмахиваюсь от нее я и предпринимаю еще одну попытку отвлечь девушку от ненужных мыслей. – Это «детская» сторона Таганского парка. Кажется, теперь я сориентировался. Пойдем, нам туда.

Я первым направляюсь в сторону своего будущего общежития. Как назло, в этой части парка тень от деревьев такая густая, что нервные молнии на кончиках пальцев полыхают яркими голубыми фонарями. Дедушка учил, что для уверенности нужно правильно дышать. Глубокий вдо-о-ох... Не тут-то было!

– Ты обалдел! – кричит девушка.

Короткий вихрь обвивает мои руки, словно невидимая удавка, и разворачивает меня к девушке. Хоть я уже и видел ее силу, удивления скрыть не смог. Девушка хмурит птичьи брови и буравит меня хищно растопыренным маникюром. Мои собственные пальцы предательски искрятся в новом нервном приступе.

– Ты какого черта свои молнии в моем кафе пускаешь? У тебя совсем крыша потекла? – продолжает кричать девушка, но невидимые путы отпускает.

У нее из носа показалась тонкая струйка крови. Девушка торопливо вытирает ее тыльной стороной ладони и нервно заламывает руки. Кажется, в это время существуют люди, которые пользуются своими способностями гораздо хуже меня.

Эта мысль остужает голову и успокаивает наэлектризованность в теле.

– Хватит кричать на меня! Или ты хочешь, чтобы то хулиганье из кафе нашло нас здесь? Кстати, если ты не заметила, то именно из-за них мне пришлось применить способности, – отвечаю я.

Взгляд девушки перестает блуждать по окрестностям и злобно устремляется на меня.

– Ты-ы-ы! Ты вообще соображаешь? Кто-то из тех придурков мог видеть, как я колдую. Ты забыл, в какое время мы живем? – спрашивает девушка и первой направляется в указанном мной направлении.

Я пожимаю плечами и быстро ее догоняю.

– Прости! Не злись на меня. Наверное, я действительно не до конца понимаю, в каком времени оказался. Меня, кстати, Матвеем зовут. Те двое называли тебя Милочкой, но вряд ли кого-то на самом деле могут так звать, – усмехаюсь я.

Девушка смерила меня тяжелым взглядом.

– Милослава, очень приятно, – бурчит в ответ девушка.

– Эм, – замялся я. – Прости, пожалуйста. О-очень красивое имя.

На этот раз Мила хлещет меня не только колким взглядом, но и воздушной плетью.

– Ай! Ладно, это я заслужил. Тогда зови меня Мотя. В институте обычно над этим все смеются, – примирительно добавляю я.

Милослава останавливается, и я едва не налетаю на нее.

– Смеются? Над тобой? Ты своими молниями не только хулиганов, но и половину кафе разнес! У меня от простого магического залпа кровь из носа хлещет, а ты и бровью не повел. Никогда не видела таких, как ты! Наверно, вас вообще в Союзе не больше, чем пальцев на одной руке. Хоть Мотя, хоть Котя – все равно вообще! Такая красивая магия, – мечтательно заканчивает Мила.

– Это не магия. У нас такое называют суперспособностями или силами сверхграждан. Хотя в ваше время их вроде до сих пор зовут чудесами или колдовством, – отвечаю я.

– Сверхграждане? – перебивает меня девушка. – Звучит не по-товарищески. Сомневаюсь, что компартия одобрила бы такое. Как и с-с-с... суперспособности. Вообще, после Закона, таким, как мы, работу не дадут, если узнают. Мне мама поэтому и запрещает колдовать – ее-то с работы сразу вышвырнули. Теперь вся семья на мне держится. А из-за тебя теперь кто-то из местных может прознать, что я тоже умею. Да чего я тебе рассказываю?! Такой, как ты, какой-нибудь объект всесоюзного значения обеспечивал, наверное.

Я не нахожу, что ответить, и задыхаюсь в приступе кашля. Согнувшись в три погибели, я опираюсь на ствол ближайшего дерева. Осторожно выглядываю за ограду – за ней уже виднеется стена моего будущего общежития. Кондрата рядом не видно.

– Ты в порядке? Тебе от этих сильно досталось, да? – заботливо спрашивает Милослава, кивком указывая назад. – Кстати, а в какое такое «ваше время»?

Да что ж ты надоедливая такая! Никак не уведу тебя от ненужных вопросов.

– Т-т-так, получается, у тебя мама сейчас в сопротивлении? Она тоже из воздушников, как ты? А папа у тебя из суперов? – отдышавшись, уточняю я.

Девушка помрачнела, но скорее выглядит злой, чем расстроенной.

– Он ушел, – отрезает она. – Когда маму уволили с завода, чтобы «не принуждать ее к рабскому труду, связанному с использованием чудес», папа попытался ее отстоять. У него никаких чудес не проявилось. Но время сейчас сложное. Никто не знает, за что может сверху по шапке прилететь. Поэтому отца, от греха подальше, тоже уволили – по статье! Представляешь? Его с такой характеристикой больше никуда не принимали, и он запил. Сильно. А однажды вернулся вечером и сказал, что уходит от нас. Сказал, что ему нужно отмыть свою репутацию от двух ведьм. Представляешь?

Я отрицательно мотаю головой и присаживаюсь на лавочку, с которой открывается вид на вход в общежитие. Девушке явно интересна тема, к которой я ее подвел, и она не спешит следовать моему примеру. Мила нервно ходит передо мной, размахивая тонкими руками.

– Ты что-о-о? Это же вот буквально сейчас творится! Раз ты такой мощный, твои родители, наверно, жуть какие сильные! Сейчас это касается абсолютно всех «чудаков». Ой! Так вроде тоже запрещено говорить, да? – Милослава комично закрывает рот ладошкой.

– Не парься – я тебя не выдам. А еще, ты абсолютно права! Но совсем скоро таких, как ты говоришь, «чудиков» или «чудаков», в ближайшие сорок лет каждая страна будет считать своим долгом заполучить и сразу же объявить о каждом сверхгражданине максимально публично. За суперами из СССР будет идти настоящая охота – любая гонка вооружений отойдет на второй план. Кого-то выманят за границу – обещаниями, деньгами или статусом. Не сразу, постепенно. И начнется – селекционные браки, подпольные заговоры, официальные гильдии, всемирные и региональные рейтинги. У меня есть друг, Коня. Мы с ним вместе прилетели. Если бы он был здесь – рассказал бы тебе в сто раз подробнее, – выпалил я на одном дыхании.

Девушка так и застыла с ладошкой у открытого рта. Я жду, что она закричит или даже бросится на меня, но она только молчит. Нахмутив свои птичьи брови, она без сил садится рядом со мной.

– Скажи честно – ты псих? За дуру меня держишь? – устало спрашивает девушка. – Я вообще-то с тобой серьезно говорила, а ты просто пошутить решил?

Ее острый локоть врезается мне под дых, и ребра прошивает молниеносная боль. Мила вновь оказывается на ногах и направляется прочь от скамейки. Я справляюсь с новым приступом кашля и бросаюсь следом.

– Стой! Да стой же! – я хватаю ее за тонкое запястье и разворачиваю к себе.

– Ну что еще? Мне домой пора, – отрезает девушка.

Милослава и не пытается вырваться из моей хватки и выжидательно хмурится мне в лицо.

– Я могу доказать. Идем со мной, – отвечаю я.

Глава 8

Час спустя в комнате моего будущего общежития.

Девушка раскачивается взад-вперед на панцирной кровати, прижимая колени к груди. Часы перемещения во времени лежат рядом и скрипят стальными скобами в такт ее движениям. Никак не пойму: она поверила мне или окончательно решила, что я сбрендил?

– То есть ты хочешь сказать, что через тридцать лет треть всех людей будут «чужаками»? И все такие же сильные, как ты? – недоверчиво спрашивает Мила.

Она мне поверила? Просто гора с плеч!

– Как я? Да я в свое время почти нинишник! Ну, то есть – обычный гражданин. В мое время любой воздушный дошколенок может потоком машину перевернуть! – гордо отвечаю я.

Прозвучало так, как будто я тоже на такое способен. Но девушка на такие мелочи внимания не обращает. Она перестает раскачиваться на кровати и берет прибор Кондрата в руки.

– Тяжелый! И это мог собрать простой студент? – спрашивает Мила и, дождавшись, когда я снова кивну, просит: – А покажи еще раз молнию!

Дверь за моей спиной распаивается, и в комнату входит Коня. Я оборачиваюсь и приветственно машу рукой. Девушка прячется за моей спиной, все еще прижимая к себе прибор перемещения во времени.

– Привет! Это Мила, она меня сегодня очень выручила. Мы же еще не сейчас улетаем? – весело спрашиваю я.

Коня раздраженно смотрит на меня, словно снова забыл, что мы лучшие друзья. Стал замечать что-то неладное, между нами, после перемещения во времени. Кондрат смотрит ниже, и в его глазах полыхнул злой огонек.

– Мой прибор! Осторожно положи его, – его карие глаза кажутся почти черными, когда он снова смотрит на меня. – Ты и о приборе ей все разболтал?

– Эм. Ну да, рассказал. Но у нас тут такое случилось. Она хорошая – без нее бы я пропал! Хотел ей чем-нибудь отплатить и о будущем рассказал. А Милослава не поверила. Ну, я и привел ее сюда, чтобы доказать. Я о тебе только хорошее рассказывал, – отвечаю я.

Тьма съедает его глаза без остатка.

– Ты и обо мне ей что-то наплел? – рявкает Кондрат.

Мила быстро кладет часы на кровать и выходит вперед.

– Не разговаривай с ним так! Твой друг настоящий герой и самый достойный товарищ, которого я когда-либо встречала. Лучше бы брал с него пример, а не на людей бросался, – заступает за меня Милослава.

Коня проходит мимо нас и осторожно поднимает часы. Он бережно гладит сложный прибор и тяжело садится. Панцирная кровать отзывается резким скрипом.

– Я комнату снял здесь неподалеку. Вещи забираем и идем заселяться. Вдвоем! – отрезает Коня.

Я тяжело вздыхаю и смущенно смотрю на девушку. Неудачное знакомство получилось. Как-то неудобно теперь перед Милой.

– Да очень надо! Ладно, мне уже и правда домой пора – а то мама потеряет совсем. Счастливо оставаться, путешественники во времени, – весело щебечет девушка.

Она быстро подсакивает ко мне, встает на цыпочки и ловко чмокает меня в щеку.

– Спасибо тебе за сегодня, – шепчет она, и щеки девушки полыхают огнем.

– П-пока, – смущенно отвечаю я, но Мила уже выпорхнула из комнаты.

Топот ее быстро удаляющихся шагов эхом разносится на весь кампус. Я потираю щеку и смотрю на сердитого Коню. Нинишник сидит мрачнее тучи и не спешит успокаиваться. Наверное, просто ревнует. Интересно, в нем еще осталось что-то от моего лучшего друга?

Глава 9

– Коммуналка? Ты серьезно? У тебя же целая куча денег, мог бы что и получше арендовать? – спрашиваю я.

Коня заметно повеселел и снова стал самим собой. Мой лучший и единственный друг уже попрощался с хозяйкой и сейчас возится с каким-то свертком. Наверное, тьма, которую я увидел в нем, все-таки оказалась ревностью к Милославе. А может, она ему тоже понравилась?

– Гляди, что Клавдия Ивановна нам дала, – весело отвечает Кондрат и быстро что-то мне бросает. – Лови!

Горячий пирожок обжигает ладони, и я инстинктивно защищаю их перчатками молний. Короткая голубая вспышка ослепляет Кондрата, и часть выпечки валится с тумбочки на пол. Он снова хмурится и принимается собирать пирожки с потертого паркета.

– Не делай так больше, – бесцветно бубнит он.

– Себе такое скажи! Теперь, когда я знаю, что могу нормально пользоваться сверхспособностями, молнии получают сами собой, – пожимаю плечами я.

– Вот именно, что не «знаешь» – просто чувствуешь! Тебя от отца отделяет только непонимание процесса ваших способностей. А ты до сих пор совсем их не контролируешь. Уверен, что в том кафе ты не сделал ничего героического. Испугался хулиганов и от страха шарханул молнией во все стороны. Верно? Не отвечай – по лицу вижу, что угадал. А в этой квартире так нельзя. Неважно. Просто не используй силу. Ешь лучше пирожки, – просит меня Коня.

Я помогаю поднять оставшиеся и откусываю от одного. Вкусно! Теперь кулек с пирожками аккуратно располагается на тумбочке, рядом с прибором перемещения во времени. Я киваю на него и ухмыляюсь.

– Не боишься, что бабка поймет, что это не просто часы? – спрашиваю я.

– Ха-ха! Клавдия Ивановна скорее их своей кружевной салфеткой накроет. Но «чудикам» комнату она бы ни за что не сдала. Здесь живут три семьи и все противники употребления БАДов. Те самые, про которых я на лекции говорил, помнишь? – уточняет он.

Беру новый пирожок и пинком открываю тумбочку. Дверца обиженно скрипит плохо смазанными петлями и медленно открывается. В тени небольшой тумбы притаились четыре матовые черные баночки с теми самыми БАДами для получения суперспособностей.

– А их она тоже салфеткой накроет? Или выгонит нас сначала. Меня за молнии, тебя за целебный порошок, – ухмыляюсь я.

Коня быстро запирает тумбочку и садится на табурет.

– Чего ты хочешь? – устало спрашивает он.

– Объясни мне, как использовать мои силы. А я тебя за это хозяйке не сдам! – просиял я.

– Ла-адно! – протягивает он и тоже берет пирожок. – Вы электрики – народ крайне простой. Ты, наверняка, до сих пор понятия не имеешь как у тебя вообще это получается? Не отвечай – по лицу вижу, что угадал. Даже если ты когда-нибудь достигнешь максимального двенадцатого уровня, то все равно не сможешь выдавить из себя ничего кроме молнии. Драгомир Аркадьевич – гений! Его силы не поддаются измерению, потому что его уровень контроля переводит молнию в плазму – четвертое состояние вещества. Физика – вот где сила! Это такой мощный электрический разряд, который ионизирует воздух, превращая его в горячую плазму с экстремально высокими температурами. Атомы теряют электроны, создавая светящийся, проводящий ток канал, состоящий из свободных электронов и ионов. Горячая плазма подобна той, что в звездах. Только почувствуй разницу: обычный разряд молнии составляет тридцать килоампер, а температура плазмы в тысячу раз больше!

– Ого, жуть какая! А почему его тогда Пожирателем душ зовут? Может лучше Испепелитель? – удивляюсь я.

– Там же не успевает ничего гореть, балбес ты неграмотный! Горячая плазма мгновенно испаряет воду и жидкости в тканях человека, что чаще всего приводит к их мгновенному повреждению, без возможности восстановления. Это происходит из-за экстремально высоких температур, которые превращают воду, составляющую значительную часть тела, в пар, буквально разрывая ткани изнутри. Конечно, точнее было бы называть его Выпариватель. Как думаешь, может Пожиратель душ, все-таки, звучит лучше? – отвечает он ядовитой улыбкой.

– Ты так хочешь сказать, что ничем не можешь мне помочь? Мог бы и без лекции обойтись, – я встаю и, по-привычке, начинаю бродить по комнате.

Кондрат тяжело вздыхает и в его глазах снова появляется тьма.

– Я хочу сказать, то что и так тебе часто говорю, – с нажимом говорит нинишник. – Ты недостаточно стараешься. Самоконтроль и дисциплина – слышал про них? Не отвечай – по лицу вижу, что для тебя это пустой звук.

Мои щеки мигом запылали огнем, а руки покрываются молниями до самых плеч. Две яркие дуги вырываются из лопаток, словно крылья и устремляется к хрупкой деревянной раме. Даже если бы захотел, ни за что не остановил бы их вовремя.

– Я сказал нельзя! – злобно шипит сквозь зубы Кондрат и бросает мне что-то в руки.

Мой эспандер! Металлические звенья мгновенно втягивают в себя сверкающие перчатки. Крылья-молнии, словно на обратной перемотке, возвращаются последними и заставляют эспандер вибрировать хлипкими перемычками.

– С-с-спасибо! Я не хотел. П-прости, – говорю я, понуриив голову.

– Ложись спать, шантажист-неудачник. Не выпускай эту штуку в руках и помалкивай! Послезавтра все закончится, – обещает он и выключает свет.

В его голосе звенит столько металла, что кажется, что в моем эспандере его меньше.

На следующее утро.

Я пробуждаюсь тяжело, словно прорастая из земли. Вчерашняя вспышка гнева отняла у меня почти все силы. Кажется, что я заснул быстрее, чем успел коснуться подушки. Холодный металл эспандера касается моей руки и рывком сажусь на кровати. Я заснул с этой штукой в руках? Нужно бы извиниться перед Коней – чувствую себя погано, за то как поступил с лучшим другом.

Ветхие занавески открыты настежь и яркие лучи слепят меня, как прожектор. Я прикрываю глаза рукой – кроме меня в комнате никого. Снаружи доносится смех и звон посуды.

Кажется, я проспал завтрак. Прижимаю к себе эспандер и втискиваю босые ноги в грубые тапочки. Громко шлепая задниками о пятки я выхожу в коридор.

– Соня проснулся! – возвещает веселый голос моего друга. – Блинчики будешь?

Коня снова ведет себя как обычно и от этого чувство стыда только сильнее давит на плечи. Нужно будет обязательно извиниться, когда мы снова останемся вдвоем.

Я киваю и прохожу в коридор. За столом уже собрались все обитатели коммуналки. Молодая семейная пара, лысеющий мужчина постарше и дедушка с пышными седыми усами. Клавдия Ивановна бодро порхает у плиты и колдует над сковородкой. Рядом с ней мешок муки внушительных размеров, но, в остальном, порядок на кухне довольно спартанский.

– Садись, в ногах правды нет! – приглашает дед и указывает на табурет рядом с собой.

– Спасибо! Ой, что это я. Я Матвей, но можете звать меня Мотя. А то мне как-то неудобно – я только Клавдию Ивановну знаю, – смущенно говорю я.

Бабушка оборачивается и добродушно улыбается.

– Зови меня бабушкой Клавой. У нас семья дружная, обойдемся без отчеств, – просит женщина.

– Я тетя Маша, это мой муж Миша и его старший брат Коля. А это деда Паша, – подхватывает блондинка на другом конце стола.

– Так вы все родственники? У вас очень к-красивая к-квартира, – нервно отвечаю я.

Ворох искр мигом впитывается в эспандер и его грани разжимаются. Коня взглядом просит меня успокоиться.

– Что это у тебя такое? – заволновался дедушка.

– За стол ничего не тащим – это правило! – сурово говорит дядя Коля.

– Это просто игрушка – я сам ее сделал. Мы студенты в университете технологий. Это мое собственное изобретение. Очень хочу стать инженером, а для этого нужно много практики, – объясняет Кондрат.

– Инженером?! Это очень-очень здорово. Всегда хотел стать инженером, но у меня не лады с точными науками, – мечтательно произносит Миша.

Клавдия Ивановна нарочито громко стучит сковородкой о плиту и все за столом затихают.

– Дай-ка я это пока уберу, – просит дедушка и забирает у меня эспандер.

Он кладет прибор под свой табурет, и я тяжело сглатываю. Спокойствие, только спокойствие! Я раньше из себя даже искры выжимал с трудом, так что должен справиться. Просто на один завтрак побуду нинишником.

– Сначала мечты об инженерстве, потом эта дрянь металлическая за столом. В этой семье только одна техника достойна уважения – и это мой «Москвич». Вот увидите, он и в следующем тысячелетии будет работать, как часы, – продолжает ворчать Паша.

Я вспоминаю, как Коня спалил дедушкин автомобиль в две тысячи тридцатом, и едва сдерживаю смех. Дед Паша замечает мою необычную реакцию, и я спешу сменить тему разговора.

– Конечно, без проблем. Я, когда только проснусь, не самый приятный товарищ. Звучит как безумие, но лучше поверьте мне на слово, – как можно беззаботнее отвечаю я.

– Вы никогда не задумывались о том, можно ли заснуть в своем уме, а проснуться безумным? – многозначительно произносит дядя Коля, обращаясь сразу ко всем и ни к кому. – Или не проснуться вовсе? Ведь сон – это, по сути своей, маленькое безумие, подчиненное некой странной логике, колыбель чудовищ и супергероев. Кто знает, что мы переживаем каждую ночь, отходя ко сну, и каких усилий стоит нашему подсознанию вернуть нас поутру в мир в своем уме?

Я замираю с открытым ртом и широко открытыми глазами. Коня выразительно смотрит на меня и жестом просит закрыть рот.

– Никаких супергероев за этим столом! – Михаил стучит по столешнице кулаком и чашки подскакивают, звякая о блюдца. – «Чудикам» место в цирке уродов, но никак не в обществе приличных граждан.

Все за столом согласно закивали – Кондрат активнее всех. Затем Клавдия Ивановна подает блины и переводит разговор в более мирное русло. Однако, меня не покидает чувство, что я угодил в какую-то секту староверов. У них даже телевизора нет – удивлен, что блины не на костре готовят.

Два часа спустя у входа в парк Прямикова.

– Что это, черт возьми, было?! – возмущаюсь я.

– Ты это о чем? – невинно спрашивает Кондрат и продолжает сверлить меня суровым взглядом.

– Ты отлично понимаешь о чем я! Зачем мы поселились у этих сектантов? И что за бред нес дядя Коля? Хотя нет! Остальные еще хуже – они половину завтрака смешивали с грязью «чудиков». Словно мы мутанты какие-то? Я еле сдержался, чтобы молнией не шарахнуть! Держался за скатерть под столом, чтобы хоть как-то сдержаться, – выпалил я.

– Давай потише. Видел я, что ты со скатертью сделал – ты в ней дыру прожег. На, держи свою приблуду, «чудик» припадочный! – Кондрат с силой пихает меня эспандером.

Стальные звенья больно колют меня в грудь, и я прижимаю прибор к себе. Тьма в глазах Кони выглядит неуместно, в лучах яркого утреннего солнца.

– Знаешь, что?! Иди-ка ты один к своим сектантам! А я проведу день с тем, кто не называет меня ни «чудиком», ни неудачником, – говорю я.

– А я с теми, кто не считает меня Нинишником! – ядовито улыбается Кондрат и первым выходит из парка.

Я хочу сказать, что никогда не называл его этим обидным прозвищем. Нужно бы окликнуть его и все спокойно обсудить. Точно, я же так и не извинился за вчерашнее! Тот кого я считаю лучшим другом, так ни разу и не оборачивается, когда скрывается за углом ближайшего дома.

Глава 10

– Доброго дня, чего желаете. Ой! Мотя – это ты. Привет! – весело щебечет Мила и машет мне узкой ладошкой.

Ее птичьи брови расправляют крылья, словно наконец расслабляются для беззаботного планирования. Тяжелая дверь громко хлопает за моей спиной. Посетителей кроме меня в блинной нет и это успокаивает. Столы и стулья, которые я разбросал вчера уже заняли прежние места, словно ничего и не было. Я машу ей в ответ и подхожу ближе.

– Привет. А у меня для тебя есть шикарное предложение, – говорю я и добавляю уже шепотом. – Давай сегодня прогуляем твою работу?

– Нет-нет, я не могу. Я очень хочу, но-о-о... Меня просто не отпустят, – грустно протягивает Милослава.

Дверь на кухню открывается и из нее выходит грузный мужчина с абсолютно лысой головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.